

**ОЛЕГ МАЛОВИЧКО
ТАТЬЯНА ЗАГДАЙ**

ЛИХИЕ

**90-Е.
ГЛАВНАЯ ДРАМА СТРАНЫ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Проект создан при участии продюсерской компании «СРЕДА»

Маловичко, Олег Александрович.

М19 Лихие / Олег Маловичко, Татьяна Загдай. — Москва : Эксмо, 2025. — 496 с.

ISBN 978-5-04-223546-7

Борьба за власть, за семью, за душу...

В поиске лучшей жизни Павел Лиховцев решает на переезд с семьей из маленького поселения в Хабаровск. Позади дорогая сердцу пасека, верная корова Машенька и привычный быт. Впереди — Лихие 90-е. Эпицентр борьбы за влияние в городе и бесконечно тяжелые уроки взросления. Блестящие перспективы сулит друг Юрка, зазывая Павла на работу в ОПГ «Общак». Перестрелка, убийство, один-единственный взгляд — и все дороги ведут в бездну, где выживают только люди, ведомые инстинктами. В этот водоворот попадает и сын Павла — Женька Лиховцев. Мучительно пытаюсь нащупать твердую почву под ногами, помочь своей семье и не предать отца, он взрослеет, влюбляется и жаждет жить. Но выбор сделать все же придется: МЫ или ОНИ?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223546-7

© ООО «Окко», 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть 1

КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ

ПАШКА

Москва, 2023 год

Пашка проснулся с ощущением, что он обречен. Толком не успев продрать глаза, схватился за телефон и открыл чатик шестого класса под названием «Зоопарк». Тупые одноклассники еще вчера придумали новый пранк для исторички. После него совершенно точно неприятности будут у всех. А идти против своих он не любил, и если совсем по-честному, то просто стремался. Надо было отвлечься. Мобильная игрушка-стрелялка помогла быстро справиться с тревогой и как-то незаметно сожрала полчаса времени на сборы.

За завтраком он прошел четвертый уровень, пока мама разговаривала с кем-то по телефону на повышенных тонах.

— Не, я не приду, открыткой поздравлю... Ну какой брат, пятнадцать лет не общаемся. Что мы будем, семью изображать?

Родственников мамы Пашка никогда не видел, как и отца. Они с мамой вообще жили так, как будто совсем одни друг у друга. Какие-то голоса очень редко возникали в трубке, но маму они явно раздражали и тревожили. И потому вопросы о родне Пашка перестал задавать довольно рано. Вот и сейчас промолчал, отвлекаться от стрелялки тоже не хотелось. Мама сбросила вызов и шутиливо пихнула сына в плечо. А потом стиснула его в объятиях.

— Ну можно хоть завтракать без телефона, а?

Пашка недовольно поелозил на стуле, но отталкивать маму не стал. От нее пахло мандариновыми духами, гранолой и молоком. Из-под рукавов футболки на руки выползали затейливые татуировки. Эхо бурной молодости, о которой Пашка тоже ничего не знал.

На улице он продолжил проходить новый уровень стрелялки, стоя под зонтом. Телефон вибрировал от приходящих в чатик сообщений одноклассников, но Пашка решил делать вид, что проблемы не существует. И просто не открывать мессенджер. Кроссовки и джинсы неприятно мокли под косым дождем, пока мама с трудом отпарковывала плотно прижатую с обеих сторон машину. Ей даже пришлось выйти и сложить зеркала у себя и соседа. Куртка и шапка промокли. Пашка даже подумал, что надо бы помочь, но отвлекаться было выше его сил. Лишние движения вообще были ему не свойственны — ловко и быстро в их маленькой семье действовала только мама. Сначала потому, что боялась Пашкиных приступов астмы, а потом просто по привычке.

— Паш, ну садись — опоздаем! Опять в телефоне?

Не отрываясь от экрана, он плюхнулся на пассажирское сиденье. Если бы мальчик поднял глаза, то, возможно, заметил бы старую «тойоту» с облупившейся тонировкой, припаркованную метрах в ста, и наблюдающего за ними водителя в черном капюшоне.

По дороге мама всегда переключала радио в поисках отстойных песен из своего каменного века. Вот и сейчас, перебрав попсовый хит, бодрых ведущих утреннего шоу и новости про СВО, нашла наконец нужную волну и фальшиво подпевала какому-то противно-гнусавому голосу:

Мало-мало-мало-мало-мало огня,
Я хочу еще немного больше-е...

— Мам, потише можно?

Машину обогнала «тойота» с заляпанными грязью номерами. Мама резко перестала петь и с тревогой посмотрела ей вслед.

— Что?

— Ничего. Надоело это старье слушать.

Пашка заткнул уши наушниками и дальше уже не следил за сменой ее музыкальных предпочтений. Возле школы он долго отстегивал ремень, как бы оттягивая момент встречи с одноклассниками, но сзади кто-то упорно сигналил, и пришлось ускоряться.

— Паш, ты ничего не забыл?

— Нет.

— Па-аш?

Пашка нехотя достал из кармана ингалятор — он всегда носил его с собой, еще с детского сада. Но мама все равно каждый раз проверяла, чем ужасно действовала ему на нервы.

— Хорошего дня, ребенок!

Пашка молча вышел из машины. «Ребенок, блин! Бесит!» Мама резко стартанула от обочины, а он нехотя поплелся к школе под дождем. Из припаркованной «тойоты» с поднятым капотом доносились старая песня It's My Life. «Точно», — с грустью подумал Пашка. В капоте, согнувшись, копался водитель в черной толстовке и капюшоне — промок, наверно, совсем. Может, и ему постоять под дождем, а потом в медпункт вместо истории? Но додумать свою мысль Пашка не успел. Проходя мимо «тойоты», он неожиданно получил удар от водителя в солнечное сплетение. Мальчик задохнулся, не удалось даже закричать. Водитель быстро положил его на заднее сиденье, сорвал полоски скотча с потолка и заклеил рот. Заранее приготовленными стяжками умело и быстро зафиксировал руки и ноги. Достал из кармана и выбросил в кусты смартфон, закрыл дверь и капот. Сел на водительское и дал по газам.

ЖЕНЬКА

Хабаровский край, тайга, 1991 год

— Медведь... — заключил отец, изучив сломанные рамки с сотами, траву и ветки кустарника вокруг пасеки.

Женька знал, что Павел Лиховцев не ошибается в таких вопросах. И, конечно, испугался. А потом еще больше испугался того, что отец почувствует его страх. Не потому, что накажет или пристыдит, — нет, Женька боялся увидеть его разочарование. В свои двенадцать лет он не знал никого, кто был бы умнее или сильнее отца. Тот с ранних лет брал мальчишку с собой в тайгу на пасеку, давал взрослые поручения по хозяйству, несмотря на протесты матери. Павел как будто видел в сыне какого-то другого, взрослого человека. Такого, каким Женька еще не стал, но сможет когда-нибудь. А прямо сейчас, на разоренной пасеке в тайге, он ужасно боялся медведя.

— Иди гнилушек наруби. — Павел улыбнулся одним глазом. Все-таки заметил.

— Я?. Ладно.

Гнилушками называли наросты на деревьях, которые надо было рубить небольшим топориком. Такой топорик против медведя был, конечно, бесполезен. Да и сам Женька, даже с ружьем, был бы бесполезен точно так же — слишком жалел всякую животину. Женька рубил гнилушки, и везде чудился ему медведь, за каждым шорохом листьев. Набрав мешок, он вернулся наконец к пасеке. Разжег дымарь и, надев маску, пошел к отцу. Павел — без защиты, без сетки — уже снял крышку с улья. Пчел он, конечно, не боялся, как и медведей. Женька дымил, но ветер рассеивал все их с гнилушками старания.

— Ближе держи!

На руку Женьке села пчела. Она сердито жужжала и ползла по коже, как будто прицеливалась, где бы побольнее ужалить. Мальчик подался назад.

— Спокойно! Они страх чуют. Побежишь — зажалят.

Женька не побежал, но пчела все-таки укусила. Он вцепился в дымарь, сжал зубы и не издал ни звука. Отец поднял соты. Солнце играло в рамке, запечатанной медом наполовину. Мед не потек. «Хороший», — подумал Женька. Павел, как будто услышав мысли сына, довольно кивнул.

В бытовке стоял стол и дощатые лавки вдоль стен, на столе — кружки, чайник. Ничего лишнего. В центре медогонка — стальной бак в метр высотой с ручкой и ремнем со шкивом сверху. Женька изо всех сил крутил центрифугу медогонки так, что лопасти стали невидимыми — на руке уже натерлась мозоль, и пчелиный укус горел ниже локтя. Павел открыл кран, и густой мед медленной золотой струей лился через два сита в ведро. Хотелось подставить палец и облизать. Но из ведра мед попадал в канистры, а канистры — в багажник отцовского ГАЗ-69. Когда дело было сделано, Павел достал из багажника ружье.

— Заночуем. Медведь ходить повадится — пасеку совсем разорит.

Женьке в одну секунду стало очень холодно под вечерним августовским солнцем, но спорить с отцом он не стал.

Лежа в темноте на старых фуфайках, натасканных на низкую крышу бытовки, Женька старался не заснуть. Он тряс головой,

растирал мочки ушей докрасна, но ничего не помогало. Отец лежал рядом с ружьем в руках и смотрел в сторону леса. Казалось, он не моргал и совсем не шевелился. Привык к долгим охотничьим засадам. Женька сжимал в руках фонарь и рассматривал шершавую руку отца с выцветшей, неумелой наколкой, застрявшую былинку в густой бороде, морщинки возле глаз на загорелой коже и незаметно провалился в глубокий сон.

Проснулся от резкого толчка в бок — Павел жестом показал: свети! Но Женька со сна не сообразил, что от него нужно, и сунул фонарь отцу. Тот отпихнул его и еле слышно выругался.

В темноте в нескольких метрах от бытовки хрустнула ветка. Тяжелое дыхание, треск улья — кто-то огромный был совсем рядом. Женька в ужасе застыл.

Павел выстрелил из двустволки, на доли секунды осветив улы. Женька увидел метрах в пяти перед собой огромного медведя, который, казалось, смотрел прямо на него.

— Свети давай!!

Женька щелкнул фонарем, но что-то заело. Огромная тень ускользала в сторону леса. Павел схватил из рюкзака ракетницу и с ружьем полез с крыши.

— Пап, ты куда?..

— Добить. В доме запишись.

— Я с тобой!..

Женька не знал, что страшнее — идти с отцом на медведя или остаться ночью в бытовке одному посреди бесконечной тайги. А если отец не вернется? Или первым вернется медведь? Прятать свой страх не было уже никаких сил. Отец увидел, почувствовал, какой он маленький мальчик и какой он, в сущности, трус. И пожалел...

— Я быстро. Нужна будет помощь — попрошу.

Женька слез с крыши и долго смотрел, как Павел уходит в лес. Сначала было видно его силуэт, потом какое-то движение среди веток, а дальше только чернота, которая заползала через глаза и наполняла все тело колючим холодом. Ужасно хотелось заплакать, но он проглотил слезы. Неожиданно впереди раздался выстрел ракетницы — огонек взлетел к небу и тут же упал, осветив фигуру отца. И еще три выстрела следом. «Два — в грудь и один — в голову», — подумал Женька. И был прав.

Утром повезли продавать мед в поселок. Женька с переднего сиденья пялился назад, в багажник ГАЗа, где на брезенте, среди канистр с медом, лежали голова и лапа медведя. Подобные части медвежьего тела Женька видел уже не раз, но впервые знал, как выглядел этот зверь еще живым, слышал его дыхание.

— Пап... А ты сколько их всего убил?

— Не считал... В сезон двадцать. Когда тридцать...

— Как ты их не боишься?

Павел улыбнулся и тепло посмотрел на сына:

— Первого завалишь — страх уйдет.

Пока Павел и Женька носили канистры с медом на склад пчелосовхоза, неприятный мужичок с маленькими глазками заполнял ведомость. Купец — так за глаза называл его Павел. Женьке казалась эта кликуха из сказок Пушкина слишком шикарной для такого невзрачного человечка. Но может, это просто была его фамилия? Пока взрослые говорили, Женька завис в темном дощатом складе, где на полках, между мешками с сахаром, стоял переносной телик. По нему с помехами шли «Утиные истории». Женька прильнул к экрану, а потом против воли поднял глаза на настенный календарь 1991 года с Самантой Фокс в купальнике — и сразу, смутившись, опустил обратно, на уток в телик. Изображение рябило, и Женька слушал разговор Павла и Купца.

— Сахара мне десять мешков посчитай...

— Восемь рублей кило... — проскрипел Купец.

— Я тебе мед по семь сдал!.. Не может мед быть дешевле сахара, я им пчел кормлю!

— Цены выросли. Не нравится — дешевле ищи.

Голос отца стал тише.

— Так только ты возишь!.. Уступи хоть щас, чем мне семью кормить?!

— Не прибедряйся, Паш... Мед твой с левой пасеки, в лесу. Нужны деньги — продай пасеку. Я куплю.

Женька вышел со склада к отцу. Павел стоял, едва сдерживая гнев.

Купец мерзко улыбнулся Женьке.

— Ну чего, сахар брать будешь?

Домой в Литовку ехали молча. По радио глухо, с помехами, играла «Осень» ДДТ. На заднем сиденье стоял одинокий мешок сахара. Мрачный отец смотрел на дорогу, вцепившись пальцами в руль. Женька не решался заговорить с ним. Но Павел сам не выдержал:

— Козел, давно на мою делянку пялится!..

— И что делать? Пап?..

Отец промолчал — может, потому, что не знал ответа, или потому, что это было не его, Женькиного ума, дело. Только выкрутил радио громче.

ПАВЕЛ

Хабаровский край, Литовка, 1991 год

Павел любил лес, наверное, так же сильно, как не любил людей. Иногда ему казалось, что и сам он — часть этого леса. Он забирал у зверя жизнь по праву сильного, чтобы кормить семью. Которую, в свою очередь, считал своей частью. В доме у воды, на краю Литовки, он прожил всю жизнь, кроме нескольких месяцев в хабаровском техникуме и двух лет в тюрьме за хулиганство. Но где-то далеко, в центре страны, происходили необратимые перемены, которые добрались даже сюда, в его дом на краю земли. И Павел впервые не знал, что делать дальше. А потому работал в огороде с особым рвением. Грузил лопатой в ведро коровий навоз и тащил его в огород для компоста.

— Че стоишь, закидывай!..

Женька перекладывал навоз скошенной травой и листьями.

В коровнике жена доила однорогую Машку, что-то тихо напевая ей про девичью долю. Павел засмотрелся на уставшую Лену. Прядь волос потным завитком вылезла из-под косынки — она тяжело думала о чем-то своем. Младший сын, Вася, как всегда, вертелся возле матери.

— Женьке иди помоги!

— Я маме нужен. — Вася, как обычно, старался не смотреть Павлу в глаза. — Цедить молоко будем.

Воспитание младшего сына Павел уже давно передал жене. С тех пор как у мальчишки начались приступы астмы, Лена не отпускала его от себя и, конечно, не давала увозить ни в какую тай-

гу. Павел сперва настаивал, но Вася рос слишком хрупким и плаксивым ребенком. Отец смирился, да и Женьки ему было вполне достаточно.

За спиной у Павла скрипнула калитка.

— Здоров, соседи!

Коренастый, коротко стриженный Юра в модной джинсовке сиял ослепительно-белыми кроссовками посреди грязного двора. Полгода назад он заколотил дом и уехал с семьей в Хабаровск. А теперь вот вернулся холеный, городской. Лена вышла из коровника с ведром молока.

— Привет, Юр... Давно приехал?.

— Да вот только!.. Все хорошеешь, Лен...

— Да иди ты... — Лена улыбнулась, а улыбалась она нечасто теперь. Легонько шлепнула Васю по затылку. — Че стоишь, истукан, здоровайся!

Вася буркнул себе под нос что-то неясное — Юру, в прошлом работавшего физруком в местной школе, он не любил. Как и все остальное, связанное с физической подготовкой. Женька отпихнул брата.

— Здравсьте, дядь Юр!

— Жек, вымахал!.. Скоро выше меня будешь! А банки накачал! Нук, покажи...

Женька напряг мускулы и запыхтел в позе циркового силача, Юра пощупал руку.

— Ого! Как у цыпленка!..

Оба как-то хорошо и звонко засмеялись. Павел тоже улыбнулся — он был рад Юре. Протянул было руку поздороваться, но увидел навоз на пальцах и стал вытирать тряпкой.

— Вернулся, Юрец? Не пошло в городе?

— Ну как «не пошло»... Пойдем перетрем?

Юра с Павлом вышли со двора и направились к пыльной дороге, где пара местных парней таскали вещи в кузов грузовика. Рядом хлопотали нарядная жена Юры и дочка чуть помладше Васьки.

— Я, Паш, вещи забрать. Квартиру купил.

Павел почувствовал неясный укол зависти.

— В Хабаровске?.. Быстро ты...

— А че тянуть? Осталось здесь дом продать, если дурака найду. Тебе не надо?

— Да какой там — со своим мороки... — До Павла наконец дошел смысл шутки. — Ах ты...

Юра отскочил, встав в боксерскую позу, уклоняясь и пританцовывая. Павел принял вызов и пошел на него, растопырив руки.

— Ну хорош, я в чистом... — Юра даже в школе не дрался с Павлом, несмотря на разряд по боксу. Да и повода не было.

Павел примирительно поднял руки. Юра оправился и как-то резко сменил тему:

— Че, совсем в Литовке херово дела?

Павел решил не выделяться — выдал как есть:

— Да не хер тут ловить, загибается деревня...

Юра понимающе кивнул и, оценивающе посмотрев на соседа, выдал настоящую причину своего визита:

— Слушай, Паш, я чего пришел...

Сидя за кухонным столом, Павел рассматривал маленькую дырку на подоле халата жены. Лена расставляла детям тарелки с творогом, поливала сметаной, сыпала сахар. Женька неохотно жевал — он никогда не жаловался. Павел намазал творог на кусок хлеба и передал Васе — тот недовольно скривился.

— Опять, блин, творог.

— Другого нет, — спокойно сказала Лена. В ее словах не было упрека.

По телевизору заиграла заставка «Рабыни Изауры». Павел вдруг ощутил внезапный приступ стыда и бессилия. Было ясно, что он не справился. Что он, здоровый молодой мужик, который способен завалить медведя, ничего не может дать своей семье. Павел вышел из-за стола и закрылся в комнате.

Через минуту звук телевизора из кухни сделался громче, Лена зашла в спальню и прикрыла за собой дверь. Она ничего не спросила — просто ждала, когда Павел скажет все сам.

— Я так просто на жизнь не заработаю! — выдал он наконец.

— С голода не умрем, корова есть...

— Она учебники пацанам купит? Форму школьную, бензин?..

Сдохнем здесь, Лен!.. — Павел горько улыбнулся

— Это тебе Юра что-то напел?

- При чем тут...
- Я же вижу, ты после него такой стал...
- Какой такой?
- Дерганый. Что он тебе сказал?

Павел немного подумал, покрутив в голове слова Юры.

- Работу предложил. Водилой на фирму к ним.
- В Хабаровске?.. Ну ты что, а дом, пасека...
- С такими ценами пасека в убыток!
- А жить где?
- Снимем! Юрка полгода как уехал — уже купил!..

Лену явно тревожила перспектива таких серьезных перемен. А вот Павел, проговорив вслух предложение Юры, как будто сбросил с себя все сомнения. Сел напротив жены. Глядя в глаза, положил ладонь на ее колено.

— Лен... Ну тебе самой не надоело здесь барахтаться?! Ты же красивая баба у меня... Я хочу, чтоб ты одевалась нормально, работала на хорошей работе, а не горшки убирала за этой мелюзгой детсадовской...

Павел провел ладонью от колена жены к ее бедру, поднимая халат.

- Я ж для вас хочу...
- Ты прямо щас хочешь?

Павел улыбнулся.

- Ну... не против...

Лена засмеялась и сцепила руки на его шее.

- Ехать, дурак...
- Ехать тоже... Пока работа есть.

Павел повалил жену на кровать, от приоткрытой двери отшатнулся подглядывающий за родителями Женька.

Назад дороги не будет — Павел хорошо это понимал. Дом без хозяина загнется и зачахнет. И если в Хабаровске дело не пойдет, восстанавливать его будет не на что.

А пасека... пасека горела. Занявшийся воск чадил черным дымом, над лесом стоял пчелиный вой. Женька и Павел, раздевшись до пояса, блестя потными телами, медными в отсветах огня, ходили по кругу, с лопатами, не давая огню уйти за окоп. Горели сваленные в кучу порубленные ульи, горела бытовка. Все это было

похоже на какой-то древний ритуал — жертву, которую Павел приносил таежным богам. Чтобы они простили ему предательство и не покарали за то, что совсем скоро он покинет свою землю.

Женька поднял с земли соту с воском, медом и ползающими на ней пчелами.

— Могли же Купцу продать!..

— Да он бы копейки дал! И глумился! Хер ему!

Павел забрал рамку из рук сына и бросил ее в костер.

ЛЕНА

Хабаровский край,
Литовка — Хабаровск, 1991 год

Лена мыла корову теплой водой, протирала бока мягкой щеткой, гладила и шептала на ухо: «Машка, Машенька моя». Одно-рогая никогда не подводила — молока давала вдоволь, телилась два раза. Машку Лене привела мать, пока еще была жива. И корова как будто связывала ее с родительским домом. Тяжелый деревенский быт был для Лены привычным делом — какой-то невидимый стержень не позволял ей раскиснуть и опустить руки в трудные времена. Как будто мать, и мать ее матери, и все другие женщины стояли за ее спиной.

Павлу она как-то сразу доверила свою жизнь, а потом и жизнь своих детей — и ни разу об этом не пожалела. Теперь муж считал, что в городе будет лучше, и она шла за ним без сомнений. Только Машку было невыносимо жалко...

Павел обнял Лену за плечи, поцеловал в макушку и легко отодвинул от коровы. Жена отошла к Васе и Женьке. На колоде лежал широкий нож, на полу — корыто для стока крови. Павел дал корове зеленое яблоко и взял тяжелый молот...

После звука удара и сдавленного воя животного Васька в слезах убежал в дом. Лене казалось, что корова смотрела прямо на нее. Умоляла или обвиняла. Павел взял с колоды нож. Лена глубоко задышала и взяла Женьку за плечо. Но он вывернулся и продолжал смотреть. Когда Лена зашла в дом, все было уже кончено.